

Н.М. МУХАРЯМОВ, О.Б. ЯНУШ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В РОССИЙСКОМ ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ О ЯЗЫКАХ

В статье рассматриваются некоторые дискурсивные свойства корпуса позднесоветских, российских (федеральных) и региональных нормативно-правовых актов, касающиеся регулирования этноязыковых отношений и языкового многообразия, как в стране в целом, так и в ее бывших автономиях. Тема рассматривается в диахронных и синхронных перспективах интертекстуальности. Многие юридические конструкции языковых законов, вызывающие обоснованную критику со стороны лингвистов и правоведов, возникли благодаря дискурсивным инициативам из центра. Материал посвящен происхождению ряда ключевых регулятивных формул в области языковой политики. Историко-текстологический анализ действующего в этой области законодательства может принести пользу в деле его назревшей корректировки.

***Ключевые слова:** языковые отношения, языковая политика, языковое регулирование, планирование статуса, двуязычие, диахронная и синхронная интертекстуальность*

Зародившись в рамках литературной семиотики, интертекстуальность изучается в различных областях социально-гуманитарного знания, в том числе применительно к теории языкового планирования и с учетом «контекстов действий по языковому планированию и языковой политике, когда макро-дискурсы вступают в интеракцию с мезо- и микро-дискурсами»¹. В общем виде интертекстуальность отражает то, каким образом смыслы, содержащиеся в одних текстах, ведут свое происхождение из других текстов – диахронно и по вертикали, а также синхронно и по горизонтали (в режиме диалога). Перемещаясь из одной ситуации в другую, эти смыслы претерпевают реконтекстуализацию, трансформируются и по-новому интерпретируются, оказывая воздействие на отношения, представления, идеологии и на курс практической политики по поводу языкового функционирования.

В разные эпохи истории нашей страны противоречивым образом взаимодействовали два начала, характерных для политики властей Российской империи и СССР в отношении языковой жизни общества. Одни аспекты здесь выражались в признании и даже в поощрении многоязычия. Другие выдвигали на передний план задачи, связанные с укреплением доминирующей роли единого языка как символа государственности, как главного средства коммуникации, как инструмента власти и управления. Иногда эти два момента обозначают в научной литературе в виде «восточной» традиции и «западной» традиции.

В России сильнее проводилась линия «восточного» типа. Это воплощалось и в разработке графических основ (алфавитов) для ранее бесписьменных языков, и во внимательном учете языковых особенно-

¹ Johnson 2013: 158-164.

стей существования, присоединявшихся в разное время и в разных обстоятельствах народов финно-угорской, тюркской и иной принадлежности, и в миссионерской деятельности православных кругов (преимущественно в Поволжье, и на восточных и южных окраинах Империи). Вместе с тем, для западных земель применялись методы принудительной русификации и практиковались запретительные меры в отношении, скажем, польского и украинского языков². Используемые политико-управленческие стратегии и инструменты отражались в обширном комплексе официальных документов – уложений, царских манифестов, циркуляров и проч. Однако формально статус государственного был придан русскому языку лишь в 1906 г. в условиях обострения «языкового вопроса» во время Первой русской революции 1905–1907 гг. В ст. 3 Основных законов Российской Империи тогда было закреплено положение: «Русский язык есть язык общегосударственный и обязателен в армии, во флоте и во всех государственных и общественных установлениях. Употребление местных языков и наречий в государственных и общественных установлениях определяется особыми законами»³.

В советский период собственно законодательное регулирование языковой жизни многонационального общества не предполагалось. Исходной установкой при этом служили положения В.И. Ленина, изложенные им в «Критических заметках по национальному вопросу». «Чем демократичнее будет строй России, тем сильнее и шире разовьется капитализм, тем настоятельнее потребности экономического оборота будут толкать разные национальности к изучению языка, наиболее удобного для общих торговых сношений»⁴.

Следует разграничивать моменты идеологической риторики тех времен, с одной стороны, и несомненные достижения практики языкового строительства (от ликвидации неграмотности и до создания литературных основ для десятков языков). Управление этноязыковым многообразием предполагало разработку обширного корпуса нормативных документов – декретов, постановлений, решений съездов партии и Советов различного уровня. Однако какое-либо правовое закрепление статуса языков тогда не осуществлялось. В соответствии с этим и сам термин «языковая политика» в официальном обиходе не использовался.

Исторический генезис нормативно-правового дискурса о языковом устройстве современного российского общества и о принципах языкового регулирования связан с исключительно противоречивыми контекстами. Первые законодательные тексты в этой законодательной отрасли начали появляться в ситуации глубоких кризисов – как в социально-экономической сфере, так и в самих основах национально-государственного устройства, партийно-советской системы управления на рубеже

² Вахтин, Головкин 2004: 180-181.

³ Цит. по: Акишин 2016: 58.

⁴ Ленин 1973: 115.

1980–1990-х гг. Это происходило на волне политизации «языкового вопроса», в ситуативном контексте противостояния союзного Центра и правящих элит в союзных республиках, а также инструментальной роли «мобилизованного лингвизма», провозглашения «титულных» языков этих республик государственными. Как пишет российский этнолог М.Н. Губогло, «тщательно замаскированный, слава Богу, бескровный, первый штурм твердыни Союзного центра начался с пересмотра языковой политики и незыблемых в прошлом основ коммунистической идеологии. Высшее руководство Центра “прозевало” тот очевидный теперь факт, что принятие законов о государственном языке означало в том, 1989, году не столько ревизию концепции «ленинской языковой политики», сколько подрыв основополагающих постулатов союзной государственности. Разработка и принятие законов о языке (и языках) определяли новые взаимоотношения не между языками и их носителями, а между союзными республиками и Москвой»⁵.

В самый поздний период существования Советского Союза, на рубеже 1980-х – 1990-х г., был принят Закон СССР «О языках народов СССР» (от 24 апреля 1990 г.). Тогда впервые за русским языком был закреплён статус официального языка страны и средства межнационального общения. В республиках, имевших статус союзных национально-государственных образований в рамках советского федеративного устройства, этот процесс происходил в «явочном» порядке – без санкционирования со стороны центра в лице Москвы. В бывших же автономиях в составе РСФСР в начале 1990-х гг. правовой ранг языков был поднят до уровня государственного уже после того, как были приняты некоторые важные законодательные шаги со стороны Центра. Фактически региональные законодатели воспользовались правом, которое им было предоставлено Москвой.

В Законе СССР «О языках народов СССР» были установлены такие общие принципы языковой политики, как гарантии свободного развития и использования языков народов СССР, правовой режим официальных взаимоотношений. Союзный законодатель, как можно судить по приведенной формуле, по-прежнему избегал правовой категории «государственный язык» применительно к союзному государству в целом. Русский язык с «учетом исторически сложившихся условий и в целях обеспечения общесоюзных задач» наделялся статусом официального языка и предполагался к использованию в качестве средства межнационального общения. Однако союзным и автономным республикам было предоставлено (в некотором смысле *post factum*) право самостоятельно определять «правовой статус языков республик, в том числе устанавливать их в качестве государственных языков» (ст. 4).

Изначальная редакция первого российского языкового закона, принятого практически в канун распада союзной государственности,

⁵ Губогло 1998: 168.

объяснимым образом несла на себе печать риторической конъюнктуры момента. На пике противостояния союзных и российских центров власти и в преддверии того, что вскоре будет названо «парадом суверенитетов», в «Законе о языках народов РСФСР» (от 25 октября 1991 года № 1807-1) появилась юридическая конструкция, положенная в основу отдельной статьи «Государственные гарантии языкового суверенитета народов и личности» (Ст. 2). Под этим принципом было предложено понимать «совокупность прав народов и личности на сохранение и всестороннее развитие родного языка, свободу выбора и использования языка общения» (п. 1, Ст. 2). «На территории РСФСР государством гарантируется языковой суверенитет каждого народа независимо от его численности и правового положения и языковой суверенитет личности независимо от его происхождения человека, его социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, отношения к религии и места проживания» (п. 2, Ст. 2).

Спустя десятилетия можно расценивать эти формулы и как своеобразную дань терминологической моде, и как прагматичную меру, рассчитанную на привлечение политических элит из тогдашних российских автономий на сторону российских властей. Однако сам дух декларативности, возникнув в языковом законодательстве с самого начала, надолго определил идеологический смысл и генетически обусловленную лозунговую стилистику принимаемых актов. Дело даже не столько в том, что суверенитет – это свойство публичной власти, выражающееся в верховенстве законодательствующей воли, и никак не принцип языкового поведения отдельных народов и индивидов. Важнее то, что «свободный выбор и использование языка общения» не может распространяться на регламентируемые сферы так называемого официального общения.

Наконец, языковой выбор в процессе коммуникации в большинстве конкретных жизненных ситуаций как раз напрямую зависит и от «численности» народа, и «от происхождения человека, его социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, отношения к религии и места проживания» самым прямым образом. Ни у кого не получится притязать в процессе общения на «языковой» суверенитет» вне именно этих обстоятельств.

С точки зрения интертекстуальности через несколько лет норма о суверенитете была просто замещена формулой «равноправия языков народов Российской Федерации» при сохранении прежнего определения (в редакции Федерального Закона от 24 июля 1998 № 126-ФЗ). Таким образом «суверенитет» и «равноправие» оказались в отношениях взаимной заменимости. С другой стороны, рассматриваемая конструкция, можно сказать, механически переключалась в правовые акты о языках на республиканском уровне. В большинстве региональных актов впоследствии положения о суверенитете были переделаны в нормы о равноправии. Однако это положение в прежнем виде до наших дней сохраняется,

например, в законодательстве о языках Республики Адыгея (в редакции от 2011 года), Республики Ингушетия (в редакции от 2002 года).

Ранние подходы к определению ключевых ориентиров при законодательном регулировании языковой политики содержали намерения (или – правовые предписания), несбыточность которых обнаружилась по прошествии нескольких лет. Так, в Статье 27 российского языкового закона в первоначальной редакции было записано: «В отношениях РСФСР с республиками в составе РСФСР используются на равноправной основе государственный язык РСФСР, государственные языки республик в составе РСФСР, иные языки в соответствии с законодательством РСФСР и республик в составе РСФСР». Организационное и ресурсное обеспечение службы переводов – и тогда, и в наши дни – задача, которая по своим масштабам выглядит заведомо неподъемной.

Энтузиазм в политико-языковой атмосфере тех лет выразился также в постановке некоторых целевых ориентиров (которые были бы весьма желательны, разумеется). В частности, в «Декларации о языках народов России», которая была принята одновременно с законом 25 октября 1991 года, Верховный Совет РСФСР провозгласил некоторые принципы. Среди них, в частности, значилась «желательность и необходимость овладения языками межнационального общения и другими языками народов РСФСР, проживающих на одной территории».

Наконец, в Постановлении Верховного Совета РСФСР «О порядке введения в действие Закона РСФСР «О языках народов РСФСР»» (от 25 октября 1991 г.) было записано: «...С 1992 года предусмотреть в республиканском бюджете РСФСР выделение средств на разработку и реализацию Государственной программы РСФСР по сохранению и развитию языков народов РСФСР, созданию института языков народов РСФСР и Российской государственной службы языковых переводов». Никто и сегодня не станет спорить о том, насколько целесообразно и полезно было бы осуществление намеченных почти тридцать лет тому назад замыслов. Однако возможности разностороннего обеспечения языковой политики всеми необходимыми ресурсами не позволяют добиться реализации таких целей и поныне.

Ряд дискурсивных свойств отечественного правового пространства, предназначенного для регулирования языковых (национально-языковых) отношений, демонстрирует своего рода нормативную недостаточность или соответствующие дисфункции. Раз возникнув, эти свойства интертекстуально – через имплантацию конкретных формулировок – распространяются во времени и в политико-управленческом пространстве, вплетаясь в общую ткань макро-текста общедеревальных и региональных актов. Исследователи отмечают многие моменты несовершенства российского законодательства о языках – декларативность, расплывчатость, нечеткость формулировок (которые сложно толковать, тем более применять), терминологическую запутанность, оторванность от

реального состояния языкового функционирования, отсутствие разработанных механизмов реализации закрепленных в правовых актах норм⁶.

Эти оценки правотворческой техники, используемых в нормативных актах терминов и конструкций, юридических предписаний и правового режима языковых отношений можно было бы дополнить еще и суждениями более общего порядка. Прежде всего это понимание ключевых законодательных методологием – равноправия и шире – правосубъектности применительно к области языкового устройства российского общества. Как пишет правовед С.А. Белов, возглавляющий Институт проблем государственного русского языка при Санкт-Петербургском университете, «соотношение пределов использования общефедерального государственного языка и государственного республик в составе Российской Федерации является одной из основных проблем российского законодательства о языках»⁷.

С формальной точки зрения весь корпус действующих российских законов в рассматриваемой отрасли исходит из презумпции равноправия языков. Это закреплено в Статье 2 федерального языкового закона «Государственные гарантии равноправия языков народов Российской Федерации», первый пункт которой определяет: «Равноправие языков народов Российской Федерации – совокупность прав народов и личности на сохранение и всестороннее развитие родного языка, свободу выбора и использования языка общения» (в редакции Федерального Закона от 24 июля 1998 № 126-ФЗ). При этом, как пишет комментатор, «в правовой литературе вопрос о равноправии языков считается одним из трудных вопросов государственного права, имеющим разноаспектный подход к поиску ответов». Над этим вопросом, как цитирует автор российского правоведа В.Н. Дурденевского, писавшего на эту тему в 1920-е годы, «ломали головы уже римские юристы... над ним, вероятно, не раз еще задумаются юристы будущего»⁸.

С одной стороны, принцип равноправия, закрепленный в Статье 68 Конституции Российской Федерации, предоставляет по своему духу возможности каждого пользоваться родным языком, свободно выбирать язык общения, применять язык в воспитании и обучении. Это распространяется вплоть до права народов с бесписьменными языками создавать собственную письменность и ожидать от государства соответствующих условий для этого (п. 4, Ст. 10 в редакции Федерального Закона от 24 июля 1998 № 126-ФЗ). Закон запрещает ограничения и привилегии при использовании языков кроме случаев, предусмотренных законодательством. Правовой режим культурно-языкового многообразия в России оценивается отечественными и зарубежными экспертами как отвечающий в целом признанным международным стандартам.

⁶ Орешкина 2016: 835-847.

⁷ Белов. Законодательное регулирование статуса государственного языка...

⁸ Васильева 2007: 7.

С другой стороны, декларируемое равноправие языков может стать основанием для различающихся интерпретаций. Если не по духу, то по букве рассматриваемая норма способна трактоваться и как «совокупность прав народов и личности», и как нечто, предполагающее равнозначность используемых кодов, их паритетное положение в коммуникативных ситуациях. В интертекстуальном плане в региональных законах о языках фигурирует некоторый нюанс. В соответствующих нормативно-правовых актах, например, Адыгеи, Башкортостана, Ингушетии, Калмыкии, Татарстана, Тывы, Удмуртии, Хакасии присутствует стереотипно сформулированная статья о компетенции этих республик «в сфере охраны, изучения и использования» языков. К разряду подлежащих ведению этих субъектов отнесено «равноправное функционирование языков», имеющих статус государственных языков этих республик и общегосударственного русского языка (также наделенного статусом государственного языка этих республик).

Очевидным образом юридическая конструкция «равноправное функционирование языков» демонстрирует смысловую амбивалентность и, как минимум, слабо соотносится с реальным состоянием языковых ситуаций в конкретных республиках. Согласно социолингвистическим оценкам, коммуникативная мощь языков (в т.ч. имеющих статус государственных языков республик), показатели их витальности, и самое главное – именно функциональная развитость – фундаментальным образом не одинаковы. Есть языки, которые не способны самостоятельно обеспечивать общение ни в одной из значимых сфер и используются лишь в софункционировании с русским языком. Есть языки, заметным образом утрачивающие престижность. Есть, наконец, языки, находящиеся в угрожаемом положении. «Если языки в своем использовании, по своим возможностям и статусу не равны, – говорит карачаевский филолог Харун Акбаев, – то в чем же заключается их равноправие? Да ни в чем! Это юридическая абракадабра, прием, часто используемый политическими авантюристами»⁹. Однако справедливость требует признать: артикулировать принципы управления культурно-языковым многообразием в таких юридических конструкциях, в нормах и предписаниях, которые гарантировали бы эффективную правоприменительную практику, крайне затруднительно.

Тексты законодательных актов, касающихся языковых отношений, это, вероятно, всегда что-то в дискурсивном отношении компромиссное, в чем легко убедиться, обратившись к такому документу, как «Европейская хартия о региональных языках и языках меньшинств». В соответствующем Пояснительном докладе говорится: «Хартия нацелена на защиту и поддержку региональных языков и языков меньшинств, а не самих языковых меньшинств. ...Понятие языка, используемое в Хартии, базируется, главным образом, на культурной функции

⁹ Смерть языка 2020: 26.

языка. Именно поэтому он не определяется субъективно таким образом, чтобы закрепить конкретное право человека – право говорить на «своем» языке, поскольку право определять такой язык есть у каждого человека. В Хартии также отсутствуют социально-политическое и этническое определение языка, где язык характеризуется как инструмент общения той или иной социальной или национальной группы. Таким образом, в Хартии удалось обойти стороной вопрос об определении языкового меньшинства, поскольку целью Хартии является не закрепление прав национальных и/или культурных меньшинств, а защита и поддержка региональных языков или языков меньшинств как таковых»¹⁰.

Формально понимаемая интертекстуальность, далее, проявляется в прямом воспроизводстве многих норм российского законодательства о языках на уровне соответствующих республиканских правовых актов. Одним из показательных моментов здесь выступает способ артикуляции такого ключевого концепта в деле управления культурно-лингвистическим разнообразием, как «языковая политика». В нормативном текстологическом плане этот термин помещен, скорее, в частный контекст. В российском языковом законодательстве он фигурирует не в качестве стратегического ориентира в повестке конструирования языкового устройства общества и властно-управленческого воздействия на этноязыковые отношения, а в своеобразном прикладном ключе. В Законе «О языках народов «Российской Федерации» в той части, где говорится о гарантиях защиты языков народов Российской Федерации, содержится положение «Социальная защита языков предусматривает проведение научно обоснованной языковой политики, направленной на сохранение, развитие и изучение всех языков народов Российской Федерации на территории Российской Федерации» (п. 2, Ст. 4, в ред. Федерального закона от 24 июля 1998 № 126-ФЗ). Эта формула далее была воспроизведена в языковых законах Республик Башкортостан, Республики Ингушетия, Кабардино-Балкарской Республики, Республики Калмыкия, Республики Марий Эл, Республики Саха (Якутия), Республики Татарстан, Республики Чувашия. Словом, в данном случае возникает очередная линия механического интертекстуального взаимодействия между федеральными и региональными уровнями правовых актов относительно столь сложной и чувствительной области общественных отношений. Вопрос даже не в том, что принципы федерального законодательного регулирования буквально заимствуются применительно к неповторимым условиям коммуникативной среды регионов без учета социолингвистических параметров конкретных языковых ситуаций. Проблема имеет существенно более серьезную смысловую природу.

Рассматриваемый в ограниченном контексте «социальной защиты языков, концепт «научно обоснованной языковой политики» значительным образом утрачивает смыслы, связанные с пониманием сущности

¹⁰ Хартия 1992.

политического. Действия в этой области задаются целедостижением, устремлениями, замыслами и, следовательно, предполагают сообразные этому перформативные формулы – речевые акты, которые сами по себе уже являются делом¹¹.

На уровне руководства Российским государством, в отечественном академическом сообществе высказаны содержательные предложения на предмет совершенствования правового дискурса относительно языкового устройства общества. Их смысл связан с преодолением в новых исторических контекстах дисфункциональных сторон этого дискурса – декларативности, противоречивости, разрозненности. Это предполагает также ликвидацию интертекстуальных «разрывов», когда законодательство о языках носит преимущественно символический характер и содержит, главным образом, диспозитивные нормы, когда субъект права распоряжается своими правами по своему усмотрению, а императивные нормы изложены в основном в «секторальных» правовых актах. Примером здесь может служить резонансная поправка к федеральному закону «Об образовании» (2018 г.), вводящая принцип свободного выбора родного языка в качестве школьного предмета изучения.

Все более неотложной становится необходимость в обобщающем документе стратегического планирования, касающегося основ государственной языковой политики, и в едином законе, который содержал бы «полное системное регулирование принципов правового регулирования отношений по использованию различных языков в Российской Федерации»¹². Придание правовому российскому дискурсу о языках ясности – задача в высшей степени ответственная и принципиальная. И предполагает она не очередной виток ценностной риторики, но создание институциональных условий для свободного доступа каждого гражданина к ресурсам коммуникативного участия.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Акишин М.О. Государственный и юридический языки Российской империи XIX века // Genesis: исторические исследования. 2016. № 5. С. 56–73. [Akishin M.O. Gosudarstvennyj i juridicheskiy jazyki Rossijskoj imperii XIX veka // Genesis: istoricheskie issledovaniya. 2016. № 5. S. 56–73].
- Белов С.А. Законодательное регулирование статуса государственного языка в Российской Федерации // Официальный сайт Санкт-Петербургского гос. ун-та «Русский язык как государственный». URL: [http://rus-gos.spbu.ru/public/files/articles/ С.А.Белов. Законодательное регулирование_537c978e51477.pdf](http://rus-gos.spbu.ru/public/files/articles/С.А.Белов.Законодательноерегулирование_537c978e51477.pdf) [Belov S.A. Zakonodatel'noe regulirovanie statusa gosudarstvennogo jazyka v Rossijskoj Federacii // Oficial'nyj sajt Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta «Russkij jazyk kak gosudarstvennyj». URL: http://rus-gos.spbu.ru/public/files/articles/S.A.Belov.Zakonodatel'noeregulirovanie_537c978e51477.pdf]
- Васильева Л.Н. Комментарий к Закону Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации». М.: Юстицинформ, 2007. 88 с. [Vasil'eva L.N. Kommentarij k Zakonu Rossijskoj Federacii «O jazykah narodov Rossijskoj Federacii». М.: Justicinform, 2007].
- Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Социолингвистика и социология языка. СПб.: «Гуманитарная Академия»; Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004. 336 с.

¹¹ Ильин 2016: 262-270.

¹² Белов, Кропачев, Соловьев 2017: 57.

- [Vahtin N.B., Golovko E.V. Sociolingvistika i sociologija jazyka. SPb.: «Gumanitarnaja Akademija»; Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2004. 336 s.].
- Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. М.: «Языки русской культуры», 1998. 816 с. [Guboglo M.N. Jazyki jetnicheskoj mobilizacii. M.: «Jazyki russkoj kul'tury», 1998].
- Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств // Официальный сайт справочно-информационной системы «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/4089634/> [Evropejskaja Hartija regional'nyh jazykov ili jazykov men'shinstv // Oficial'nyj sajт spravocno-informacionnoj sistemy «Garant». URL: <https://base.garant.ru/4089634/>].
- Ильин М.В. Что может дать анализ перформативов? // Политическая наука. – 2016. - № 4. – С. 262-270. [Il'in M.V. Chto mozhet dat' analiz performativov? // Politicheskaja nauka. – 2016. - № 4. – S. 262-270.].
- Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу. Полн. собр. соч. М.: Издательство Политической литературы, 1973. Изд. 5. Т. 24. 567 с. [Lenin V.I. Kriticheskie zametki po nacional'nomu voprosu. Poln. sobr. soch. M.: Izdatel'stvo Politicheskoi literatury, 1973. Izd. 5. T. 24. 567 s.].
- Орешкина М.В. Языковое законодательство в Российской Федерации // Язык и общество. Энциклопедия. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. С. 835-847. [Oreshkina M.V. Jazykovoe zakonodatel'stvo v Rossijskoj Federacii // Jazyk i obshhestvo. Jenciklopedija. M.: Izdatel'skij centr «Azbukovnik», 2016. S. 835-847.].
- Смерть языка – смерть народа? Языковые ситуации и языковые права в России и сопредельных государствах. М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Горячая линия – Телеком, 2020. 260 с. [Smert' jazyka – smert' naroda? Jazykovye situacii i jazykovye prava v Rossii i sopredel'nyh gosudarstvah. M.: Institut jetnologii i antropologii im. N.N. Mikluho-Maklaja RAN, Gorjachaja linija – Telekom, 2020. 260 s.].
- Johnson D.C. Language Policy. L., N-Y.: PALGRAVE MACMILLAN, 2013. P. 158–164.

Мухарямов Наиль Мидхатович, доктор политических наук, профессор, заведующий, кафедра Социологии, политологии и права, Казанский государственный энергетический университет; n.mukharyamov@yandex.ru

Януш Ольга Борисовна, кандидат политических наук, доцент, кафедра Социологии, политологии и права, Казанский государственный энергетический университет; yanush_ob@yahoo.com

Historical intertextuality in Russian legal discourse on languages

The article discusses some of the discursive properties of the corps of late Soviet, Russian (federal) and regional legal acts related to the regulation of ethnic language relations and linguistic diversity in the country as a whole and in its former autonomies. The topic is considered in diachronic and synchronous perspectives of intertextuality. Many legal constructions of language laws, which cause reasonable criticism from linguistic scholars and legal scholars, have arisen due to discursive initiatives from the center. The material is devoted to the origin of a number of key regulatory formulas in the field of language policy. A historical-textological analysis of the legislation in force in this area can be useful in the case of its overdue adjustment.

Keywords: *language relations, language policy, language regulation, status planning, bilingualism, diachronous and synchronous intertextuality*

Nail' Mukharyamov, Dr.Sc. (Political Science), Professor, Head of the Department of Sociology, Political Science and Law, Kazan State Power Engineering University, n.mukharyamov@yandex.ru

Ol'ga Yanush, Ph.D. in Political Science, Associate Professor of the Department of Sociology, Political Science and Law, Kazan State Power Engineering University, yanush_ob@yahoo.com